

УДК 615.851

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ МЕЛОЛИЙНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

А.А. Романов

Тверская государственная сельскохозяйственная академия

Рассматриваются общие принципы модели мелодийной психотерапии, которые формируются базовыми коммуникативными стратегиями психотерапевтической интеракции.

Ключевые слова: мелодийный дискурс, психотерапевтическая мелодийная интеракция, базовые коммуникативные стратегии.

*Бог милостиво подарил нам страдание.
Наш мир потому и хрупок,
чтоб через него виден был другой.*

Псевдо-Дионисий

*Мир – лестница, по ступеням которой
Шел человек.
Мы осязаем то,
Что он оставил на своей дороге.
Животные и звезды – шлаки плоти,
Перегоревшей в творческом огне:
Все в свой черед служили человеку
Подножием,
И каждая ступень
Была восстаньем творческого духа.*

М. Волошин

Мелодийный (мелодический) дискурс как информационный продукт протожанра духовной практики в виде музыкально-текстового композитного образования (т.е. музыкально-текстовых выражений, фраз, сообщений) направлен на любое и всемерное разъяснение истины, приближение её к человеку и на реализацию миссионерско-просветительской деятельности в сфере религиозного попечительства и заботы о душе человека, погруженного в условия, породившие нынешний кризис социоэкономических отношений и духовности, именуемый в научной литературе «кризисом антропологичности», который находит своё проявление во всех гранях человеческой жизнедеятельности: от культуры, науки до экономики и экологии, порождая состояние душевного разлада, душевной беды и духовного отчаяния.

Вместе с тем правомерно полагать, что в кризисных условиях помимо человеческой ипостаси или «корпоральности» [30] существуют также духовная и Божественная ипостаси человека как когнитивного субъекта, который обладает внутренней мотивацией к когнитивной деятельности в соответствующей *среде* и в соответствующем *контенте* как форме представления информации и её познаваемых аспектов (т.е. в форме «переработанных внутри системы обозначений в процессе переноса с одного живого существа на другое или же с одной системы сознания на другую», по Н. Луману [11]) и осознаёт «своё бытие и целостность», что в конечном итоге помогает «преодолеть отчуждение человека от мира и самого себя, познать целостность (хочется сказать – «блаженную целостность») человека и мира, ощутить естественную, продолжающуюся далеко за пределы человека духовную жизнь Универсума и своё несомненное участие в ней» [14, с. 69].

Путь трансформации когнитивного субъекта как путь поиска другого начала в обретении нового источника или новой каузальной точки для выхода из своего душевного кризиса и осуществления духовного совершенствования может быть найден в опыте использования общих принципов («кооперация», «координированные действия», «согласованные действия», «взаимодействия», «сотраотничество», «регулятивное действие» или «регулятив») парадигмы синергичности как возможно новой «науки о кооперации», в частности, в особой, «шире – новой гуманитарной» [6, с. 173] парадигме «синергичной антропологии», базирующейся на платформе восточнохристианского дискурса, основанного на наработанной веками практике «православного синергизма», на опыте «участного мышления», своего рода «примыкающей практикой», в терминологии С.С. Хоружего [47], для многообразных практик предстояния перед множественностью человеческого бытия.

Акцентируя внимание на общих принципах согласованного взаимодействия («кооперация», «коллективные явления», «координированные действия и взаимодействия», «регулятивное действие», «регулятив», «сотраотничество», «согласованное действие», «соразмерность»), целесообразно вспомнить работы исследователей Тверской научной школы динамической модели диалогической коммуникации, в рамках которой с 1988 г. разрабатывается и развивается концепция регулятивного статуса коммуникативной интеракции, где в качестве функционально-семантических единиц («коммуникативно-регулятивных синергем») согласованного, скоординированного взаимодействия собеседников выступают регулятивные действия – *регулятивы* в виде естественно-языковых

практик (см. обзор работ по регулятивной деятельности в: [19; 20; 44; 45]).

В предложенной модели регулятивной интеракции *«регулятив»* трактуется как синергетическая единица дискурсивного взаимодействия, реализующая себя в актах согласованной коммуникации комплексно: на поверхностном уровне он репрезентирует себя в виде определенных (иногда готовых, шаблонных) языковых конфигураций и в виде типовых моделей речевого и неречевого поведения, а на глубинном уровне – в качестве структурированного в психике говорящего субъекта функционально-семантического представления (ФСП) знаний об опыте (опытных образцах) реализации этих форм речевого и неречевого поведения в соответствующих (складывающихся или уже сложившихся) ситуациях реального мира [26; 27].

В этом плане система *регулятивов* как вербальных и невербальных единиц диалогической коммуникации, реализуемых участниками коммуникативного пространства в соответствующей обстановке (*«среде»*) и соответствующей фреймовой конфигурации или ФСП (*«контенте»*), может соответствовать упомянутому выше понятию *«формы представления информации»* (знаний) как формы *«переработанных внутри системы обозначений в процессе переноса с одного живого существа на другое или же с одной системы сознания на другую»*, по Н. Луману, с одной лишь разницей. Эта разница сводится к тому, что при *«успешной реализации регулятива как вербально-авербальной синергичной практики в виде единицы информационного послания каузируется (причиняется) её влияние на ход определенных событий, бытия дискурсивных формаций в процессе коммуникативного обмена (воздействия)*. В этом процессе реализация *регулятива* способствует как возникновению своих *«копий»* в умах участников такой интеракции, так и генерированию всей системы регулятивных единиц, находящихся в *«архиве»* ментального пространства (*«вместилища»*) когнитивных субъектов и используемых ими в развивающихся по типовым (фреймовым) сценариям актах согласованной коммуникации [26; 27].

В данном ключе *«мелолистику»* (термин А. Менегетти) можно считать тем *«инструментом»* [49], который способен быть причиной выработки человеком как когнитивным агентом системы согласованных регулятивных действий по совершенствованию своего душевного и духовного бытия в плане *«сборки»* себя *«как социального субъекта»* (В.Л. Лепский), способного и готового решать масштабные задачи своего духовного восхождения по ступеням Лествицы.

С этих позиций *мелолийный дискурс* являет собой *«форму интериоризации и постижения смысла»* композитного (т. е.

неразрывного комплекса) дискурсивного соединения музыки, текстового содержания и движений (действий, деятельности) когнитивного субъекта через связующие их в единое целое «темпоритмы», в понимании К.С. Станиславского, или «ритмы, подобные биологическим» у А. Менегетти, представляя собой тот тип музыкально-информационного послания («информационного сообщения», по Г.М. Маклюэну), который «формализован» по аналогии с проекцией нашего «организмического» как проекции «единства сознания и органического акта» в виде «синхронизма между душой и телом, воспринимаемого как целостное осознание» [16, с. 12-13]. Ср. использование термина «органическое развитие» у Ж. Пиаже [21], схожего с термином «организмическое развитие» А. Менегетти.

Примечательно, что указанное композитное соединение в виде мелодийного (также мелодического) дискурсивного образования обладает «взаимобратным ритмом, состоящим из двух модулируемых фаз и модулирующих нечто гармоническое третье (т.е. “нечто вроде синергийного комплекса”»: [31; 32; 40–42], от которого отправляются бесконечные возможные вариации клеточных пульсаций» [16], что коррелирует с идеей А. Моля [18, с. 45] о «мозаичной культуре», слагаемой из множества соприкасающихся, но не образующих единой конструкции фрагментов.

Мелодийно-дискурсивное соединение как информационное послание в коммуникативном взаимодействии не суть количественный набор действий (движений) или их практическое исполнение, которые могут быть в определённых сценариях жизни индивида производными их стереотипов, и не суть обыденное прослушивание музыки, написанной каким-то другим автором. Напротив, такое послание в виде духовного послания-проповеди есть *стимул для индивида*, чтобы каузировать (побуждать, вызывать) в данном послании *запуск воздействующего механизма*, ориентированного (т.е. интенционально направленного) на «*восстановление и вслушивание в «точку-основу»* того, чем для индивида является само телесное бытие или «корпоральность как акт хабикуализации» [30] в значении «усвоения и привыкания к чему-то, превращения этого чего-то в составную часть своего облика» [5], как «первый объект мирской индивидуализации» у А. Менегетти.

Следовательно, для индивида «*прожить*» воздействие массмедийного мелодийно-дискурсивного послания означает *находиться* перед лицом собственного представления о жизненном порядке без какого-либо рационального фильтра, *быть готовым* снова стать экологосоответствующим континуумом своей корпоральности (целостности духовного и хабикуального), *любить* факт существования окружающего мира и *быть элементом* универсальной музыки, в

которой «и руки, и – ноги суть органы мысли, и – думают руки, и – думают ноги. Походка есть речь. И воздетые руки есть речь... Жесты рук наш безрукий язык подглядел и повторил его звуками» [4].

«*Все полно богов, – лозунг свободы к стихиям; возвышение элементов до жизни... Природа нам образ... Взгляд на мир ... и цвет мира зависит от мысли*», – утверждает А. Белый [3, с. 12-16], когда пытается описать закон «фигурного синтеза» мира и место человека в нем. И как результат такого «синтеза» вырисовывается конфигурация определенной взаимосвязи мира и человека: мир («природа», по А. Белому) обладает формой («фигурой, фигурностью») и функционирует в виде «образа», который окружает человека и в который погружается человек в процессе «взгляда на мир» в рамках определенной «фигурности». Соприкосновение с таким миром-образом осуществляется *путем погружения в этот мир* и уровнем осмысления его, так как «*и цвет мира зависит от мысли*» (курсив наш. – А.Р.).

В качестве ступени (или одной из ступеней) такого уровня погруженности можно считать регулятивную (синергийную) интеракцию как попытку человека достичь указанного «синтеза» в определенном формате действий (попыток, практик как социально обусловленных действий), в определенной «фигуре» (т.е. в конкретной форме/конструкции вербальной манифестации), где «в пространстве и времени *происходят синтезы многообразия чувственных элементов...* И уж после этого синтеза материал подается рассудку» [3, с. 16] (ср. также сходные замечания Дж. Р. Сёрла [46, с. 132-133] о «форме-основании и гештальной структуре сознательного опыта»). Отсюда и основная функция *синергийной регулятивной интеракции*, а тем более мелодийного взаимодействия и воздействия (ибо, по А. Белому, «все полно богов»), которая одновременно (т.е. синтезируя и в пространстве, и во времени) организует сознание человека в «*объеме оформленной чувственности*» и воссоздает в его сознании «образ природы, образ мира», «образ Бога», коль скоро «все полно богов» ([3, с. 18], подробнее см.: [39, с. 19-27]).

Вероятнее всего, по этой причине каузированное (т.е. порождённое, вызванное к жизни, причинённое) конкретным мелодийным посланием собственное представление индивида о жизненном порядке без какого-либо рационального фильтра не имеет готовых схем или «архивных», по М. Фуко, стереотипных отношений. И если индивид позволяет войти континууму своей корпоральности в музыкально-информационное пространство духовного мелодийного послания и прислушиваться к звучанию такого послания в «*объеме оформленной чувственности*», по А. Белому, то оно (послание) будет «эйфорически возбуждать тело, устраняя психические трудности «Сверх - Я» или «Я» [16, с. 108-109].

Отмеченный процесс *каузации как запуска* описанного *воздействующего механизма* рассматривается адресатом в качестве *необходимой оценки* того, на что готов или чем готов лично пожертвовать индивид, чтобы переходить по ступеням Лествицы от одного уровня продвижения (восхождения) к другому. Отсюда возникает понимание и осознание значимости такой отправной «*точки-основы*» (т.е. точки каузативного запуска) для информационного «расширения человека», по Г.М. Маклюэну [13], поскольку к ней *сводима* любая психосоматическая феноменология. Результат такого «сведения» проявляется в возникновении «момента – события взаимозаменяемости между психическим и соматическим», когда «психика начинает процесс материальной формализации», по А. Менегетти, или, другими словами, она осуществляет подготовку преобразования своего бытия в широком смысле к восхождению на ступени Лествицы.

Возможность запуска отмеченного механизма каузации в реальном коммуникативно-интерактивном пространстве будет опираться на реализацию функционального основания модели мелодийного дискурсивного образования, включающего в себя, как минимум, *три базовые функции*:

а) лечение в самом широком смысле, т.е. формирование оценки и признание своего кризисного состояния как некоторой «духовной болезни»;

б) высвобождение в смысле осознания и отрешения от конкретных условий, порождающих кризисное состояние человека;

в) возвышение как вытеснение из сознания негативных факторов кризисного состояния человека и «сборка социального субъекта» (В.Л. Лепский), способного решать масштабные задачи своего восхождения по духовным ступеням Лествицы.

Соответственно можно выделить три уровня технической реализации функционально-медийного пространства дискурсивно-мелодийного воздействия, а именно:

1) *уровень органической установки* на «здоровый образ жизни» человека («жить не во вред себе и окружающим», «жить по правде», «жить в гармонии с миром» и т.д.);

2) *уровень готовности* реализовать функциональные условия органической установки индивида на его собственную дееспособность по преобразованию своего духовного и телесного состояния как отправную точку подготовленности такого индивида к восхождению на начальную (низшую) ступень Лествицы;

3) *уровень целостного эмоционального состояния* индивида, т.е. его экзальтации как восторженно-возбужденного состояния индивида (его аффицированности, эмоционального охвата), чтобы вывести

органическое восприятие мелодийно-дискурсивного послания с бессознательного для субъекта на сознательный уровень с помощью различных музыкальных практик (инструментов, духовного пения или, возможно, даже ритуальных действий или ритуального танца.

Примечательно, что *каждый* из перечисленных *уровней* является *необходимым условием для последующего*, так как в опоре на уровневую последовательность происходит восприятие и научение адресата основным базовым знаковым посылам – информационным посланиям – в виде нот, а именно: «пентаграммам, составляющим порядок человеческого тела», потому что задаваемый извне особый ритм позволяет, согласно А. Менегетти, «аутентифицировать и усилить порядок» работы человека над собой и его комплексной синергией. При этом последовательность перехода от одного уровня к другому должна быть константной и примерно одинаковой по интенсивности и объёму, т.е. одной и той же, потому что каждый уровень как определенная стадия саморазвития индивида необходим в качестве основы для восхождения на следующую ступень (уровень). Такая обусловленная определенным и конкретным чередованием уровней последовательность именуется «последовательным порядком», по Ж. Пиаже, т.е. таким порядком, когда один из очередных уровней или одна из стадий становится возможным/ой в строго определенный момент [21] и только после этого появляется возможность (точнее, позволяет) перейти к другому уровню.

Для обеспечения успешного и эффективного перехода адресата к такому «проживанию» воздействующего потенциала духовного мелодийного послания отправителю (автору) важно следовать, как минимум, двум базовым правилам. *Первое правило* сводится к тому, чтобы отправитель смог (и должен) «подвести» корпоральность адресата», т. е. подвести (привести в состояние) его хабиитуализацию к акту «усвоения и привыкания к чему-то, превращению этого чего-то в составную часть своего облика» [5], чтобы подготовить её к музыкальному ритму так, чтобы музыкальная основа дискурсивного послания «вела» его корпоральность к духовному и личностному преобразованию. *Второе правило* касается музыкального ритма духовного дискурса-послания как каузативного средства психотерапевтической коммуникации, в которой задаваемый автором ритм должен соответствовать собственному представлению адресата о жизненном порядке человека в существующем мире, для того чтобы помочь осуществлять свою функциональность и развивать собственную жизнедеятельность в соответствии с установками трехуровневого (см. выше модель уровневого продвижения по Лестнице) аутогенетического или самовозрождающегося развития.

В подобном контексте модель функционирования комплексного мелодийного дискурсивного образования (мелодийного композита) как разновидности духовной проповеди может рассматриваться в качестве эмоционально-прагматической и духовной базы (основы) психотерапевтического коммуникативного взаимодействия между отправителем медийно-информационного послания в виде мелодийного дискурса и (массовым) адресатом. Общие принципы программной реализации модели такого эффективного взаимодействия могут формировать и раскрывать базовые коммуникативные стратегии психотерапевтической мелодийной интеракции, среди которых наиболее значимыми можно считать следующие:

- стратегия-1 *развития личного творчества как основополагающей ценности*, исключающей возможность адресата как когнитивного субъекта к стремлению самооправдания, выработки иллюзии собственной правоты, переориентации на собственную творческую эффективность и нового, «свежего» (упрощенного) взгляда на имеющиеся проблемы (ср.: [1]);

- стратегия-2 *создания вербальной «личной мифологии»* («вербального мифа личности»), выступающая в роли преобразованных, вербально проживаемых или прожитых форм / конструктов жизни индивида как в форме «принуждающих нарративов» (coercive narratives, в трактовке Ж. Мори), так и «побуждающих макро- и микронарративов» или «великих и малых рассказов» с целью оценки и преодоления чувств неуверенности и неполноценности, возникающих по различным поводам, например: субкультурной и инокультурной принадлежности, умственных или телесных возможностей, а также экологической, психологической, духовной и личной сторон своего образа жизни и т.п.

Использование нарративных форм вербальных конструктов имеет стратегическое преимущество перед другими речевыми действиями, так как, во-первых, «нарратив» в различных его проявлениях может постоянно интерпретироваться заново в свете культурных изменений коммуникативных координат *Я - здесь и сейчас* и, во-вторых, он ориентирован на осуществление особых целей как для индивидуальных собеседников, так и для малых групп, не претендуя на разрешение проблем всего общества: «в идеале они существуют, только пока нужны для осуществления своих краткосрочных целей» [22, с. 25], для реализации конкретных психотерапевтических задач.

Заслуживает особого внимания использование «принуждающих нарративов», позволяющих говорящему субъекту в роли инициатора и ведущего вырабатывать у адресата конкретные цели и формировать у него соответствующие мотивы для таких действий, которые способны индуцировать желательное (т.е. вырабатываемое в соответствии с намеченными целями говорящего субъекта) поведение или

положительный отклик на них. Функционально-семантическая специфика таких нарративных конструкций обуславливается наличием в их содержании (семантике) «принудительных элементов» (corroborative elements) и «подтверждающих деталей» (corroborative details), по Ж. Мори [48]. К их числу он относит «время», «звук», «запах», «движения», «события», «информацию», «объекты», «дизайн», «взаимодействие», «характеры», «агентов влияния», «фокус», т. е. такие «подтверждающие детали», которые способны удерживать адресата (собеседника) в пределах совместно разрабатываемой ведущим (инициатором) и его ведомым интерактивной истории, иначе говоря, в пределах истории (фреймовой конфигурации) конкретного мифа личности. В этом смысле уместно вести речь об *интерактивных нарративах*, которые создаются («пишутся») совместно непосредственными участниками во время взаимодействия акта психотерапевтической коммуникации.

Примечательно, что использование интерактивных «принуждающих нарративов» может найти – и сегодня уже находит – широкий отклик в Интернет-коммуникации, в частности при построении «виртуальных миров» и взаимодействии в них с целью реализации различных целей и мотивов между её участниками (коммуникантами, «сетянами», «гражданами Интернета», «чатланами», т.е. образованными от слова «чат», а не в смысле персонажей кинофильма «Кин-дза-дза»). Интерактивные нарративы могут быть использованы (и сегодня успешно используются в спидокторинговых манипуляциях) в различных «информационных войнах» и «информационных атаках», особенно при построении фреймовых конфигураций, содержащих слоты или терминалы с «фиктивной и пустой семантикой», заполняемые собственными «историями» [28]. Такие нарративы широко применяются и в сфере политической коммуникации, особенно в работе с целевой аудиторией, в пропаганде и разработке имиджевых программ (подробнее см.: [28; 35; 43]). Построение системы интерактивных нарративов может оказаться полезным в учебной среде при выборе интегративных учебных целей для эффективного (результатирующего) взаимодействия с учениками, когда цели могут обуславливать, определять и диктовать учащимся выбор контекста мотивации.

Функциональная специфика данной стратегии в психотерапевтической интеракции заключается главным образом в том, чтобы, ведя собеседника за собой, оказать ему/им помощь, совместно (поэтапно, ступенеобразно) выстраивать и построить позитивную историю его/их собственной жизни с элементами героического (всепобеждающего) эпоса (подробнее о технологии построения вербального мифа личности см.: [28, с. 110-129; 43, с. 112-179]). На

уровне реализации макронарративов («великих/больших рассказов») такая стратегия способствует расширению психологии, религиозности, а с учетом совместной выработки социального интереса и практики поведения субъекта в «контекстах жизни» – единению и объединению людей в сообщества со сходными идеалами, верой, интересами и запросами [33];

- стратегия-3 *выработки трансперсональной перспективы выхода за пределы личности адресата как основы мировоззрения* предназначена для поиска и выработки субъективно истинных, трансперсональных мифологических образов, например, «справедливого человека», «человека, любящего всё живое», «человека прощающего», «человека, живущего по заповедям Христа» и т.п. В этом плане названная стратегия может рассматриваться как разновидность, спецификация оговоренной выше стратегии;

- стратегия-4 *принятия адресатом плюралистического образа своего Я*, направленная в первую очередь на выработку возможности метафоричного многообразия личностного Я в сфере многоконтекстного бытия с целью свободы выражения его составляющих, когда человек сможет осознанно разрешить себе выступать (или чередовать свои выступления) в одно время в роли родителя, воспитателя, в другое – в роли дитя, в роли серьёзного и безалаберного, дающего и получающего, или в роли активного и пассивного (ср. ролевые игры и трансактные формы поведения у Э. Бёрна).

Использование данной стратегии в ситуации психотерапевтической интеракции накладывает определенное ограничение на инициатора как ведущего. И хотя свобода выражения составляющих многоконтекстного бытия личностного Я - адресата (плюралистическая модель поведения), *с одной стороны*, способствует выработке у адресата адаптации к различным кризисным ситуациям и изменению множества различных действий-практик, однако, *с другой стороны*, возникающая в рамках парадигмы синергичной антропологии внутренняя конфликтность между желанием различных проявлений Я (модальностей Я) и стремлением следовать единовыбранным (а может быть, и единственным) способом бытия в мире может сниматься путем «переговорного разрешения» между частями Я, а не навязыванием воли одной части Я другой, так как в последнем случае, т.е. в случае навязывания как директивного подавления (жесткого, категоричного доминирования) одной из частей, подавленная часть, по всей вероятности, будет стремиться найти какой-то другой, чаще всего, не прямой, завуалированный и/или эксплицитно патологический способ своего выражения. Поэтому в нашем случае неприемлемость директивного воздействия определяется тем, что директивность в

мелодийнотерапевтической коммуникации рассматривается как особый «вид вмешательства», который тесным образом связан (обусловлен, каузирован, причинен) с теоретической концептуализацией проблем адресата (клиента, собеседника, партнера, пациента) и вытекающими из этого терапевтическими целями.

Ведущему (т.е. психотерапевту) в роли инициатора необходимо держать в фокусе своего внимания множество вербальных Я-конструкций адресата (пациента) с учетом их коммуникативно-социальных и межличностных функций. Важно не забывать о том, что процедуры, которыми люди пользуются для артикуляции и осмысления действий, характеризуются заметными ограничениями и некоторой повторяемостью и что не всякая интерпретация или Я - конструкция может быть приемлема в той или иной ситуации. Поэтому значительная роль отводится описаниям психотерапевтического дискурса пациента в виде совокупности (множества) лингвистических практик (выражений, конструкций), объединенных вокруг какой-либо (скорее всего, наиболее важной, актуальной для пациента на данный момент) иллюкативной доминанты, которые рожают действие как определенный тип события. Анализ такого психотерапевтического дискурса позволяет накапливать определенную сумму знаний о том, в каких общепринятых формах артикулируется "Я" вообще и Я конкретного адресата в частности, так как «понятия и слова означают действительный опыт, который они передают, – прежде всего для того, кто их произносит, а потом и для других людей» [7, с. 8].

При этом также нужно иметь в виду, что связанные с трудностью выбора ограничения в плане укрощения доминирования какой-либо части Я - индивида над другой могут обуславливаться («подпитываться») ситуациями, в которых индивид, по мнению А. Лэнгле [12], «оказывается под перекрестным огнем тысяч соблазнов, советов, предложений, рекомендаций и т.д., о том, как ему стать лучше, иметь больше, словом, так или иначе призывающих его к достижению превосходства», что формирует у индивида «переизбыток выбора», или его «насыщенному Я», по Кеннету Гергену. Безусловно, подобные «призывы» пробуждают у индивида множество различных желаний, требующих удовлетворения одной из частей Я. В таких условиях применение *стратегии-4* направлено на выработку у адресата признания появившихся или появляющихся желаний в качестве неактуальных, частичных или нецелостных для Я, что позволяет воздействовать на них посредством сублимации или дисциплины отказа [12].

В этой связи представляется вполне оправданным обращение к опыту православного исихазма, чтобы помочь собеседнику (адресату, пациенту) без какого-либо внешнего вмешательства провести

внутреннее различие между его личностными переживаниями, оценками, размышлениями и окружающим миром с целью реализовать одну из альтернативных возможностей «повторного ввода» выбора: *либо (комфортно)* размещать (помещать, обнаруживать) себя прежнего во внешнем мире как отличным от него (метафора: «смотреть на себя в зеркале»), *либо (критически)* ощущать внешний мир в себе самом как отличное от себя (в частности, в воспоминаниях прошлого). Следовательно, для адресата, желающего осуществить «социальную сборку себя» как человека, стремящегося жить в ладу с собой и миром в рамках «синергичной парадигмы», необходим поиск ответа на важный вопрос, который обладает общественно-теоретической значимостью: Что представляет собой общество, которое именно так проявляет (описывает) себя и свой внутренний и внешний мир.

В этих условиях для терапевта, выступающего в роли ведущего в сеансе мелодийной психотерапевтической коммуникации, важен совместный поиск и подбор *тематического пространства*, которое активирует адресата и нацеливает его на деятельность по «социальной сборке себя», соотнося отдельные темы мелодийно-дискурсивного пространства (т. е. вербальное пространство передачи «действительного опыта», по Ю. Джендлину) в единое целое в их структурно-семантическом сопряжении с другими сферами общества и мира таким образом, чтобы данные темы были настолько «эластичны» и «диверсифицируемы», что могли бы проникать посредством своих тематических топиков во все сферы общественной жизни и их болевые точки для индивида [36–38; 42].

Для интенсификации деятельности адресата по «социальной сборке себя» инициатор может использовать тактическую разновидность рассматриваемой стратегии, а именно стратегию «*тематического регулирования*», связанную с активизацией смежной темы, но не затрагивающую прямо интересы партнера. Эффективность стратегической разновидности «тематического регулирования» заключается в том, что её применение позволяет целенаправленно вести вербальное воздействие, «оживляя» («репродуцируя») в памяти адресата целый ряд образов и захватывая таким образом в свою орбиту (в своё пространство) смежные образы из областей проблемных ситуаций.

Каузированный под влиянием вербального воздействия механизм «*репродуцирования образов*» эффективен тем, что он функционирует на основе выявленного ещё в 1935 г. в лаборатории Н.И. Красногорского психофизиологического феномена «*семантической генерализации*», суть которого можно свести к следующему: практически одинаковые (неосознанные) реакции возникают у человека на слова, которые *а)* сходны по смыслу,

б) относятся к одному семантическому полю, *в)* используются из-за одних и тех же логических предпосылок и *г)* в действительности не зависят от их звучания или написания. И так как феномен «семантической генерализации» протекает неосознанно, то смежная тема в тематическом пространстве неизменно оживляет целый комплекс образов и через них последовательно приводит адресат к топикам тех высказываний, которые от него ожидаются в виде непреднамеренной реакции.

Однако в работе с феноменом «семантической генерализации» наблюдается ряд ограничений, которые состоят в следующем:

а) используемая инициатором в качестве смежной тема мелодийного дискурса (комплекса) должна быть известна собеседнику как объекту воздействия и иметь для него определенную значимость;

б) смежная тема мелодийного дискурсивного комплекса должна соот-ветствовать конкретной проблемной ситуации, разрешить которую стремятся инициатор и адресат;

в) смежная тема мелодийного дискурсивного комплекса должна соответствовать национальным, религиозным, профессиональным и индивидуальным особенностям адресата как объекта воздействия, иначе в его бессознательном «любой аффект, не нашедший адекватного удовлетворения, остается постоянно действующим, жизненным и искажающим» [17, с. 38-39];

г) действия и поступки инициатора мелодийного воздействия должны быть психологически и экспрессивно обоснованы относительно тематического дискурсивного пространства, а также ситуационно выверены в своих жестах, мимике, интонации, логическом ударе и эмоциональном выражении, памятуя о том, что «эмоция – это некое психическое присутствие, которое начинает соматизироваться» [17, с. 28].

Коль скоро отмеченные ограничения на применение механизма «репродуцирования образов» направлены на скрытое (имплицитное) получение информации о неосознанных (одинаковых) реакциях адресата «в ходе интерпретации мифологической символики вербальных предикатов бытия человека» [42, с. 30, 35, 84], то появляется возможность нивелировать эти ограничения следующими положениями:

1) смежная тема мелодийного дискурсивного комплекса не может прямо затрагивать (*касаться* или *слишком близко подходить к*) центральную зону (т.е. наиболее значимую, «болеву» для адресата точку) информационного пространства, представляющую обоюдный интерес как для инициатора (субъекта, автора), так и для адресата (объекта) мелодийного воздействия, ибо в этом случае такая тема уже будет приобретать характер директивно обозначенной (плохо

«замаскированной», скрываемой) установки или «побуждающего нарратива», равносильного прямому вопросу, требующему обязательного ответа-реакции;

2) смежная тема мелодийного дискурсивного комплекса также не может находиться и на периферии информационного пространства, представляющего интерес для адресата мелодийного воздействия, так как, будучи слишком отделенной от его центральной зоны, она способна вызывать в сознании (в ментальном хранилище, памяти) адресата массу других образов и может привести к высказываниям (нарративам), в которых трудно отыскать (вычленив) значимую для участников (собеседников) мелодийной терапии информацию.

Очевидно, что специфика использования смежной темы в мелодийном воздействии как разновидности стратегии-4 для поиска («выявления, выведывания») значимой для «социальной сборки адресата» информации заключается в том, чтобы *а)* оживить прошлые впечатления, хранящиеся в памяти адресата, *б)* замаскировать действительное значение смежной темы, чтобы *в)* побудить его непреднамеренно передать соответствующую информацию, необходимую для своей «социальной сборки» (для рефрейминга, когнитивного реконструирования).

В процессе синергийной деятельности (сотрудничестве) психотерапевта и пациента в рамках указанного тематического пространства (т.е. в процессе вербального континуума терапевтической интеракции) необходимо учитывать признание собеседниками набора его тем в плане альтернатив «повторного ввода», которые (темы), будучи альтернативными, должны сохранять независимость от позитивной или негативной позиции адресата (ведомого) по отношению к тематике информативного содержания, смысловым интерпретациям и оценкам, так как интерес к конкретной теме может проявляться и по причине того, что возможны обе позиции в определенный момент терапевтического взаимодействия.

Примечательно, что независимо от выбранной (позитивной или негативной) позиции относительно структуры содержания темы или оценки её значимости у адресата варьируется спектр открытости индивидуальных расхождений или предпочтений, что предоставляет ему возможность преодолеть стереотипное, проистекающее исключительно из индивидуальной перспективы предположение о взаимоисключающих отношениях между согласием и конфликтом или конформизмом и индивидуальностью [12]. Как правило, в этот момент участники терапевтической коммуникации способны устанавливать различия между темами и функциями синергийной интеракции. В частности, адресат может сказать себе, что если он не принимает нечто и не соотносит этот свой выбор с программой личного продвижения по

Лестнице, то на данном этапе «сотраотничества» как согласованного, регулятивного взаимодействия он теряет возможность рассматривать себя участником и «сотраотником» в «социальной сборке себя», пригодным для восхождения по ступеням духовного воз-(пере)рождения. На данном этапе коммуникативного воздействия мелодийная терапия должна рефлексироваться адресатом как регулятивная, согласованная интеракция (см. выше характеристику 1-го и 2-го уровней технической реализации функционально-медийного пространства дискурсивно-мелодийного воздействия).

В процессе рефлексии выявляются аффицированные эффекты, воздействию которых подвергается система разных частей личностного Я, порождающая дифференцию системы (Я - адресата) и внешнего мира, благодаря чему осуществляется вынужденное (причинённое) внутреннее различие между инореференцией и самореференцией, конкретизируя это различие «применительно к собственным меняющимся состояниям», по Э. Ленгле. Важно исходить из того, что процесс рефлексии не направлен только на познание закономерностей устройства мира, так как вынужденное (причинённое) внутреннее различие между инореференцией и самореференцией Я-пациента всегда само подвержено определенному искажению и нуждается в соответствующей в коррекции. В основном здесь речь может идти о выявлении механизма того, что и как способно присовокуплять операцию к операции (т.е. продвигаться шаг за шагом, поэтапно, в соответствии со ступенями Лестницы) «в самоконструированных горизонтах времени» [12], пространства и самого себя (своего Я), обращаясь к своему информационному состоянию с вопросом насколько Я готов на данном этапе к самопреобразованию, и соотнося свой ответ с реальным результатом;

- стратегия-5 процесса воздействия мелодийного дискурса помогает людям больше узнавать о себе и о других мирах культуры, способствует приобретению знаний о социальных нормах и образе жизни Других, в частности о специфике вербального и невербального поведения представителей другого пола, возраста, социального статуса, субкультурной принадлежности, сексуальной ориентации и т.п., чтобы понять чужое мировоззрение с точки зрения настоящего и будущего.

Работая в данном стратегическом направлении, инициатору следует помнить о том, что мелодийное воздействие и взаимодействие – это лишь технический инструментарий психотерапевтического характера, который не должен отторгаться адресатом, так как в понимании А. Менегетти, «роль терапии заключается в устранении из психики человека момента вытеснения, поскольку оно лишает сознательное «Я» его существенной части, тем самым предопределяя его поле решимости и регулируя его поведение» [17, с. 26]. В этой связи

Ю. Джендлин уточняет специфику психотерапевтического взаимодействия, утверждая, что «можно использовать любые психотерапевтические техники, если не навязывать их клиенту, не нарушать его чувства личной неприкосновенности» [7, с. 11]. Кроме того, важно не забывать, что «психотерапия – это процесс, связанный с непосредственным опытом *еще до того*, как он станет одним из упомянутых “конструктов”, а также *потом*, когда происходит возвращение от “конструкта” к опыту переживания на грани сознательного и бессознательного». Таким образом, «процесс психотерапии» есть то, «*что конкретно происходит*» [7, с. 16].

Важно иметь в виду, что использование в психотерапевтической коммуникации стратегии-5 вызвано, как правило, необходимостью когнитивного реструктурирования или рефрейминга какой-то определенной ситуации, чтобы позволить участнику мелодийной терапии взглянуть на неё (или оценить её) принципиально новым образом с целью научения себя преодолевать (разрешать) разного рода препятствия, например разлад с близкими, с миром, с собой, борьба с пагубными привычками и т.п. С этих позиций применение стратегии-5 продиктовано (обусловлено) конкретными задачами инициатора психотерапевтического взаимодействия, связанными с созданием определенных *изменений* на уровне *телесных ощущений* или на уровне «*метаболической семантики*», в терминологии А. Менегетти [15, с. 238; 29; 30; 42, с. 84-85], когда адресат начинает чувствовать, «что в действительности происходит в его теле в ответ на рефрейминг». В этой связи любопытно утверждение Ю. Джендлина о том, что «реальные изменения отражаются *не только* в изменении *образа мысли*, но и в изменении того, *как проблема реально представлена на уровне тела*» [7, с. 15] в виде «гармонического третьего (т.е. нечто вроде «синергического комплекса» см.: [27]), от которого отправляются «бесконечные возможные вариации клеточных пульсаций», по А. Менегетти [16, с. 108], как репрезентанты «переживаний реальности» адресатом. Необходимо учитывать, – пишет А. Менегетти, – что тело – это непосредственный собеседник, оно участвует в диалогах, во лжи, в уловках, в открытии любой внутренней реальности человека... *Движения нашего тела, испытываемые нами страдания являются словами, средствами выражения: так движение моего пальца есть выражение некой интенции на органическом уровне*» [17, с. 32, 40; ср. приведенные выше слова А. Белого; курсив наш. – А.Р.].

Поэтому «вне зависимости от того, что человек говорит или делает, необходимо в каждый момент быть внимательным к тому, как *слова и действия* проявляются *на уровне непосредственных переживаний*» [7, с. 15-16], т.е. переживаний реальности как «следствия способности психики создавать образы», так как «внутренний мир и

внешний мир человека соединяются в психических образах, давая жизненно важное ощущение связи с обоими мирами» [10, с. 135]. Это утверждение также справедливо и в отношении других видов психотерапевтической интеракции: «Все виды психотерапевтического воздействия, – подчеркивает Ю. Джендлин, – требуют, чтобы клиент проверял таким образом наличие их конкретного эффекта. Такая проверка на уровне телесных ощущений должна применяться не только к вербальным интерпретациям, но практически ко всему, что клиент и психотерапевт могли бы сделать во время сессии» [7, с. 16], ибо еще З. Фрейд указывал, что *цель всякой интерпретации – проявить утраченный или вытесненный опыт.*

Для мелодийной психотерапии это замечание классика психоанализа имеет большое значение, так как специфическое содержание сознательного опыта уже «переварено», «архетипически структурировано согласно категориям человеческой психики», и это делает опыт значимым для нас самих и для других людей» [10, с. 135]. В этом смысле «интерпретации оказываются просто “строительными лесами”, временно воздвигающимися вокруг постройки и разбирающимися после её завершения», просто как «архетипическое структурирование», которое «в качестве реакции на всякую интерпретацию у пациента должно *возникать как конкретное переживание; в противном случае ничего реального не будет достигнуто.*» Очевидно, что при обнаружении такого результата «от интерпретации необходимо отказаться, хотя бы временно» [7, с. 17].

Таким образом, применяя стратегию-5 в ходе мелодийного психотерапевтического воздействия, инициатор приобретает возможность установить (зафиксировать, выяснить), чем на самом деле для адресата являются слова, высказывания и интерпретация их мифологической символики в комплексном мелодийном дискурсе, *какой* функциональной силой [также: «воздействующим зарядом», «воздействующим потенциалом» - см.: 31; 34; 42, с. 84] они обладают и *какой* воздействующий потенциал (заряд) они приобретают в процессе влияния на когнитивное переструктурирование адресата? Ответы на поставленные вопросы позволяют инициатору мелодийного психотерапевтического воздействия соотнести используемые (использованные) формы различных символических выражений с реальными шагами (или реальным шагом) по направлению к тому, «как именно проблема переживается на соматическом уровне» [7, с. 16];

- стратегия-6 *поиска путей и направлений комбинационного стратегического «удара» (стратегического комплекса) с целью формирования личностной установки адресата на выработку эффективного рефрейминга призвана предложить «эkleктический» (т.е. спонтанный, не обусловленный прямо) подход к оценке*

существующего (имеющегося) набора различных интересов, слабостей, преимуществ, влияющих на выбор конкретных шагов по ступеням духовного преобразования (подробнее о стратегическом комбинировании или «ударе» см.: [24; 26]).

В процессе мелодийной интеракции для автора-инициатора важен подбор как самого мелодийного тематического континуума, например концертных программ «Откройте душу для добра», «Сказание о счастье», «Ангел покаяния» или «Слово жизни», так и выбор вербальных средств межтематического коннективного сопряжения в виде «типовых коннекторов и метаконнекторов» [26]. Возможность вариативного выбора между смежными темами мелодийного континуума и интенциональная направленность коннективных тематических скреп позволяют в конечном итоге инициатору задавать собеседнику направление выхода из проблемной ситуации, регулируя его переживания в соответствии с развитием ситуации мелодийной интеракции. При этом инициатору важно не забывать предостережение Ю. Джендлина [7, с. 24] о том, что «переживания и ситуации нельзя разделить на четко фиксированные элементы», так как они перемешиваются, зачастую переходят друг в друга и в процессе сеанса (концертной программы) могут изменяться. Иначе говоря, текучесть, процессуальность и нестабильность регулятивной деятельности инициатора по каузации механизма *«репродуцирования образов»* являются неотъемлемыми атрибутами их формирования в мелодийной терапии.

Тем не менее пограничная зона непосредственного опыта переживания возникает, как правило, на уровне телесности «как некие физические, соматические ощущения», хотя это и является «специфическим видом телесных ощущений». Такие ощущения возникают внутри и не похожи на внешние физические ощущения, например напряженность мышц или щекотание в носу [7; 15–17]. По этому поводу Ю. Джендлин пишет: «Странно, но многие вообще не могут почувствовать свое тело изнутри. ...Такие люди также испытывают интенсивные эмоции, но они локализуют все эмоции либо “снаружи”, либо в голове и вокруг нее» [7, с. 29];

- стратегия-7 *направление действий собеседника на развитие в себе способности к метапознанию (мышлению о мышлении)* используется инициатором не для выработки у собеседника (адресата, пациента, слушателя, участника) мелодийного взаимодействия каких-то (например, устойчивых, автоматических) навыков в оценке или реакции на соответствующие стимулы, а для того, чтобы научить участника определенным навыкам интерпретации, понимания и осознания тех моментов проблемной ситуации, которые препятствуют его продвижению по ступеням духовного восхождения Лествицы.

Первоочередная задача такой стратегии – направленность мелодийного воздействия на смягчение симптомов, вносящих неуверенность, пассивность, расстройство, переживания и страхи, связанные с (сверх-)чувствительным Я, выступающим в одном случае как *эго-осторожность*, а в другом, как *эго-вовлеченность*, оставаясь в любом случае «пленником» индивидуального Я, потакающим им (*эго-расстроенное* и *эго-подавленное*).

Принимая точку зрения исследователей (см.: [9]; также [2; 7; 23]) на страх как *состояние* субъекта (страхи в жизни или страхи «здесь» и «сейчас/теперь») и *страх как способ* бытия поведения, когда страх становится функцией Я (жизнь в страхе или страх – всегда), хотелось бы обратить внимание на особую важность данного феномена в реализации механизма мелодийного воздействия с акцентом на слова Данте Алигьери: «*Нельзя, чтоб страх повелевал уму; Иначе мы отходим от свершений, Как зверь, когда мерещится ему*». Инициатору мелодийного воздействия также важно иметь в виду, что страх «древнее и сильнее многих чувств, так или иначе выражающих суть нашего Я, наше сущностное реагирование и отношение к окружающим» [9, с. 35].

По этой причине стратегия–7 призвана не только смягчать симптомы проявления страха, но и участвовать в формировании возможности им уйти, чтобы собеседник начал и смог жить дальше в согласии с самим собой, своим окружением и миром и учился бы в соответствии с сформированной установкой самостоятельно преодолевать их на пути своего восхождения к ступеням духовного возрождения. В этом плане система публичных мелодийных проповедей (концертов духовного песнопения, духовных музыкальных вечеров, фестивалей и т.п.) является наиболее подходящей для целевой аудитории и может оказать существенную помощь коллективному адресату как объекту мелодийной терапии в стремлении применять в своей жизни навык самосознания.

Очевидно, правы те, кто полагает, что в определенном смысле эта цель более соответствует будущей системе образования, и в таком случае можно согласиться с утверждением К. Джерджена, что обучение навыкам самопознания и межличностного общения станет основными предметами в учебных программах XXI века [8];

- стратегия–8: *выдвижение формирования системы когнитивных навыков на первый план психотерапии*, которая не ограничивается вышеперечисленными организационными навыками работы над собой, но и для навыков «гибкости» ума, так как духовная работа над собой является одной из актуальных задач современности. Такая задача становится полезной и в других условиях, когда человеку необходимы навыки варьировать угол своего зрения в соответствии с возрастающими требованиями сегодняшнего времени и запросами и

вызовами стремительно меняющегося мира. Следовательно, формирование системы когнитивных навыков индивида, подготовка его к адаптации к ним и экологически эффективному применению должны быть в постоянном поле зрения инициатора мелодийной психотерапии.

О методах развития названной способности можно говорить, если попытаться представить (наметить) систему тактических приёмов (*тактик*, или «*терапевтических вмешательств*») как определённого вида реакций со стороны инициатора/консультанта, направленных на достижение промежуточных и конечных целей терапевтического мелодийного воздействия, способных коррелировать с описанными выше и, безусловно, не конечными по списку стратегиями, чтобы, опираясь на канонические и неканонические вербальные мифологемы духовного бытия человека, зафиксированные в текстах коллективных молитв, духовных песнопений, духовных встреч и внедренные в концертные программы духовной музыки и песнопения, помогать людям изнутри как можно больше извлекать чувств, установок, посылов для своего духовного перестраивания. Также небесполезным при этом окажется поиск, выявление и категоризация различных предрассудков, оценок, модных – особенно для молодежи – веяний, социально значимых ценностей, которые партнеры по мелодийной психотерапии смогут подвергнуть сомнению, пересмотру и переоценке.

Очевидно, что систематическая работа в этом направлении (сюда можно добавить и различные «ролевые представления» в виде конкретных игровых форм и театрализованных представлений, ср., например, «Ангел покаяния», «Тверские Рождественские встречи», «Покровские вечера») готовит людей (партнеров, собеседников, участников, клиентов, пациентов) к формированию нового типа познания, который по уровню развития опережает «формально оперантное мышление», по Ж. Пиаже, и принятию возрастающей ответственности. Такой способ мышления, считает А. Лэнгле, представляет собой «необходимую следующую ступень в эволюции сознания», поскольку он уравнивает смирение и жизнеспособность и развивает активную способность к соработничеству (согласованному взаимодействию) на благо общей цели.

Создание типологии техник в указанном направлении является весьма непростой задачей. Трудности возникают уже на первом шаге, поскольку предложенный выбор стратегий мелодийного воздействия, направленный на выработку эффективного «соработничества» или «синергичной регулятивной деятельности», требует более четкого определения функций и границ каждой из них, а также поиска более масштабного пространства мелодийной дискурсии, чтобы осуществить попытку соотнести применение данной типологии стратегий и возможных тактик как «терапевтических вмешательств» для изучения

конкретных сессий (встреч, сеансов, программ, концертов) и типовых ступеней к восхождению по Лестнице. Разговор на эту тему требует отдельного описания.

Список литературы

1. Бауман Э. Текущая современность / пер. с англ. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
2. Бек А., Фримен А. Когнитивная психотерапия расстройств личности / пер. с нем. М.: Пресс АСТ, 1998. 343 с.
3. Белый А. О смысле познания. Минск: «Полифакт», 1991. 64 с.
4. Белый А. Безрукая танцовщица // Моск. вест. 1995, № 1. С. 151 – 155.
5. Бурдые П. Структуры, Habitus, практики // Современная социальная теория: Бурдые, Гидденс, Хабермас. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995. С. 16 – 39.
6. Гайнуллина Л.Ф., Агапов О.Д. Синергийная антропология как новая гуманитарная парадигма // Вопросы философии. 2010. № 5. С. 173 – 177.
7. Джендлин Ю. Фокусирование: Новый психотерапевтический метод работы с переживаниями / пер. с англ. А.С. Ригина. М.: Независимая фирма «Класс», 2000. 448 с.
8. Джерджен К. Дж. Социальный конструкционизм: знание и практика: сб. ст. / Пер. с англ. А.М. Корбута. Минск: БГУ, 2003. 232 с.
9. Касумов Т.К., Гасанова Л.К. Страхи в жизни и жизнь в страхе // Вопросы философии. 2014. № 1. С. 34 – 45.
10. Крюгер П. Психические образы как мост между субъектом и объектом // Кембриджское руководство по аналитической психологии. М.: АСТ, 2001. С. 121 – 142.
11. Луман Н. Медиа коммуникации: пер. с нем. М.: Логос, 2005. 280 с.
12. Лэнгле А. Психотерапия – научный метод или духовная практика? О соотношении между имманентным и трансцендентным на примере экзистенциального анализа [Электронный ресурс]. URL: [http:// 2003-10-01](http://2003-10-01)
13. Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева; закл. ст. М. Вавилова. М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. 464 с.
14. Меськов В.С., Мамченко А.А. Цикл трансформации когнитивного субъекта. Субъект, среда, контент // Вопросы философии. 2010. № 10. С. 67 – 80.
15. Менегетти А. Образ и сознательное: пер. с итал. М.: ННБФ «Онтопсихология», 2000. 130 с.
16. Менегетти А. Учебник по мелолистике: пер. с итал. М.: ННБФ «Онтопсихология», 2002. 181 с.
17. Менегетти А. Психосоматика. Новейшие достижения: пер. с итал. М.: ННБФ «Онтопсихология», 2007. 360 с.
18. Моль А. Социодинамика культуры: пер. с франц. 3-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 416 с.
19. Морозова О.Н. Дискурс согласия в диалогическом пространстве. М.: ИЯ РАН, 2005. 220 с.

20. Новоселова О.Н. Коммуникативно-конструктивное пространство регулятивных менасивных действий [Электронный ресурс] // Электрон. науч. журн. «Мир лингвистики и коммуникации». Тверь: ТГСХА, ТИПЛиМК, 2013. № 3(32). ISSN 1999-8406; гос. рег. № 0420800038. <http://tverlingua.ru>
21. Пиаже Ж. Что такое психика? Беседы Жан-Клод Брангье с Жаном Пиаже. Беседа первая // Психологический журнал. 2000. № 2. С. 138 – 141.
22. Рзаева Р.О. Конец метанарративов в контексте проблематики прошлого и вызовов будущего // Вопросы философии. 2014. № 2. С. 23 – 29.
23. Риман Ф. Основные формы страха. Исследование в области глубинной психологии: пер. с нем. М.: Алетейа, 1999. 336 с.
24. Романов А.А. Коммуникативно-прагматические и семантические свойства немецких высказываний-просьб: дис. ... канд. филол. наук. – Калинин: КГУ, 1982. 168 с.; он же: Семантика и прагматика немецких перформативных высказываний-просьб. М.: ИЯ РАН, 2005. 153 с.
25. Романов А.А. Роль связующих элементов в управлении диалогом // Перевод и автоматическая обработка текста. Под ред. А.А. Романова и А.М. Шахнаровича. М.: ИЯ АН СССР, 1987. С. 126 – 165.
26. Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. М.: ИЯ АН СССР, 1988. 183 с.
27. Романов А.А. Языковой портрет политика в суггестивной парадигме // ARS LINGUISTICA: К 75-летию профессора И.П. Сусова: Межвуз. сб. научн. трудов. М.; Тверь: ИЯ РАН, 2002. С. 23 – 30.
28. Романов А.А. Политическая лингвистика: Функциональный подход. М.: ИЯ РАН, 2002а. 191 с.
29. Романов А.А. Психосемиотика визуальной коммуникации в соматографическом пространстве // Романов А.А., Сорокин Ю.А. Соматикон: Аспекты невербальной семиотики. М.: ИЯ РАН, 2004. С. 8 – 158.
30. Романов А.А. Вербо- и психосоматика телесного бытия человека // Романов А.А., Сорокин Ю.А. Вербо- и психосоматика: Две карты человеческого тела. М.: ИЯ РАН, 2008. С. 7 – 144.
31. Романов А.А. Мелодийный дискурс в социальной коммуникации // Журнал практического психолога: науч.-практ. журнал. Спец. выпуск: Текст как субъект понимания. 2013, № 3. С. 146 – 168.
32. Романов А.А. Эмотивный «заряд» мелодийной проповеди в медийных условиях // Человек в коммуникации: от категоризации эмоций к эмотивной лингвистике: сб. науч. трудов, посвящ. 75-летию проф. В.И. Шаховского. Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2013а. С. 236 – 246.
33. Романов А.А., Белоус Н.А. Языковая личность в коммуникативном пространстве дискурса [Электронный ресурс] // Электрон. науч. журнал «Мир лингвистики и коммуникации». Тверь: ТГСХА, ТИПЛиМК. 2010. № 4 (21). ISSN 1999-8406; гос. рег. № 0420800038. <http://tverlingua.ru>.
34. Романов А.А., Малышева Е.В. Аффективный «заряд» тактильных действий в социальной интеракции // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер. «Педагогика и психология». 2013. № 11. С. 33 – 41.

35. Романов А.А., Романова Е.Г., Воеводкин Н.Ю. Имя собственное в политике: Язык власти и власть языка. М.: Лилия ЛТД, 2000. 112 с.
36. Романов А.А., Романова Л.А. Музыкальная проповедь как мелодистический дискурс // Язык – Когниция – Социум: тез. докл. Международн. конф. (Минск, Беларусь, 12-13 ноября 2012). Минск: МГЛУ, 2012. С. 58 - 60.
37. Романова А.А., Романова Л.А. Мелодийный дискурс как «горячее» средство коммуникации // Функциональная лингвистика: сб. науч. работ Крымск. республ. ин-та преддипломного педагогического образования. Симферополь, 2013. № 5. С. 351–352.
38. Романов А.А., Романова Л.А. Роль эмоционально-прагматического компонента в структуре взаимодействующего механизма информационного послания мелодийной проповеди // Континуальность и дискретность в языке и речи: материалы IV Междунар. науч. конф. Краснодар: КубГУ, 2013а. С. 29 – 30.
39. Романов А.А., Романова Л.А., Федосеева Е.Г. Перформативные ритуальные акты сакральной коммуникации. М.: ИЯ РАН, ТГСХА, 2013. 241 с.
40. Романов А.А., Ульянич Г.А. Дискурсивная природа музыкальной проповеди // Проблемы совершенства образовательного процесса в вузе в связи с переходом на новые образовательные стандарты: сб. науч.-метод. тр. по материалам XXII Всероссийск. науч.-метод. конф. (Тверь, 23-24 апреля 2012 года). Тверь: ТГСХА, 2012. С. 166 – 169.
41. Романов А.А., Ульянич Г.А. Синергические основы музыкальной проповеди как духовной практики // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер. «Педагогика и психология». 2012а. № 22. С. 281 – 291.
42. Романов А.А., Ульянич Г.А. Мелодийный дискурс как информационный медиум в системе публичных коммуникаций. Москва-Тверь: ИЯ РАН, ТИПЛ и МК, 2014. 163 с.
43. Романов А.А., Черепанова И.Ю. Языковая суггестия в предвыборной коммуникации. Тверь: Герс, 1998. 205 с.
44. Романова Л.А. Структурно-семантические аспекты композитных перформативов в функциональной парадигме языка. М.: ИЯ РАН, 2009. 180 с.
45. Романова Л.А. Композитные перформативы в функциональной парадигме языка: Семантический и прагматический аспекты: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. Великий Новгород: НовГУ, 2010. 47 с.
46. Серль Дж. Р. Открывая сознание заново. Пер с англ. М.: Идея-Пресс, 2002. 256 с.
47. Хоружий С. С. Что такое SYNERGEIA? Синергия как универсальная парадигма: ведущие предметные сферы, дискурсивные связи, эвристические ресурсы // Вопросы философии. 2011. № 12. С. 19 – 36.
48. Morie J.F. Coercive narrative, motivation and role playing in virtual worlds // Proceedings of the 6th World Multiconference on Systematics, Cybernetics and Informatics. 2002. V. 12. P. 473 – 479.
49. Sacks O. Musicophilia. Tales of Music and The Brain. New York; Toronto: A.A. Knopf, 2007. 381 p.

STRATEGIC TYPE OF MELOLINE EFFECT IN PSYCHOTHERAPEUTIC COMMUNICATION

A.A. Romanov

Tver State Agricultural Academy

The article deals with the general principles of meloline psychotherapy that are formed by basic communication strategies of psychotherapeutic interaction.

Keywords: *meloline discourse, meloline psychotherapeutic interaction, basic communicative strategies.*

Об авторе:

РОМАНОВ Алексей Аркадьевич – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой теории языка и межкультурной коммуникации Тверской государственной сельскохозяйственной академии, e-mail: romanov_tgsha@mail.ru